

КОММУНИКАТИВНЫЕ ДОМИНАНТЫ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ (на примере оппозиции «свое – чужое»)

Статья посвящена выявлению доминант речевого поведения, выражающихся в категориальных универсалиях. Коммуникативные доминанты речевого поведения определяются на примере оппозиции «свое-чужое». Особое внимание уделяется выделению различных ступеней, отражающих степень полноты языкового портрета коммуникантов.

О категориальных универсалиях, лежащих в основе выявления доминант речевого поведения

Лингвистические и психолингвистические исследования *целостного* речевого поведения языковой личности вырабатывают понятия, в той или иной степени близкие к проблеме доминант речевого поведения: *идиолект, тезаурус, концептосфера* языковой личности, «*речевое амплу* персонажа», *языковой портрет* личности и *языковое портретирование* и др. При этом понятие целостности по отношению к речевому поведению означает моделирование такого его образа, который базируется на комплексе глубинных, прототипических черт языковой личности, позволяющих различать между собой ее типы. Верификационной характеристикой возникающего при таком моделировании образа языковой личности является объяснительный характер модели: она должна обладать объяснительной силой по отношению к наиболее значимым, оригинальным языковым феноменам, имеющимся в «текстовом массиве» данной языковой личности, – мало / трудно или вообще не объяснимым на основе других моделей. В связи со сказанным встает вопрос об анализе доминант речевого поведения как о методе лингвистического описания.

На чем должен базироваться метод, чтобы обеспечивать создание такого языкового портрета, который соотносится с целостным речевым поведением того или иного типа языковой личности, концентрирует его наиболее существенные характеристики? По всей вероятности, основу метода должен составлять круг наиболее общих категорий (категориальных оппозиций) деятельностной природы, языковых и речеповеденческих одновременно – способных описывать как собственно языковые феномены, так и обуславливающие их типы языковых действий человека. Вопрос о таких категориях является общетеоретическим. В этой связи интерес представляет исследование Б.Л. Борухова «Введение в мотивирующую поэтику», в котором задача объяснения формального и семантического устройства текста понимается как объяснение того, «почему автор сказал (придумал, изобразил) это

именно так, а не иначе» [1, с. 9]. Ответ на вопрос «почему» предполагает обращение к мотивационным категориям, которые, по мысли автора, выделяются в зависимости от «типа мотиваций»: культурная мотивация (законы той или иной культуры), конвенциональная (законы и конвенции литературной эпохи, литературного этикета), ментальная (законы мышления), личностная мотивация (законы индивидуальной системы художественного мышления) [1, с. 12-14]. Более подробно автором рассматривается последний тип мотивации, выделяются такие «категории мироощущения» индивидуальных художественных систем, как категории «земного» и «небесного» у Тарковского, «экстремальности» у Пастернака, «живого» (у Тютчева и позднего Заболоцкого) и «мертвого» (у Тютчева, раннего Заболоцкого и Мандельштама), категория «отмеченности» у Ахмадулиной, «хаоса» (у Тютчева) и «гармонии» (у позднего Заболоцкого) и др. Нас же интересуют не столько конкретные мотивационные категории, сколько само общее представление о них, в котором важно выделить следующие моменты:

– такие категории понимаются как некоторые *предельные* законы (отвечающие на *предельное «почему»*), установить соотношение фрагмента текста с которыми и означает мотивировать его, то есть достичь цели анализа;

– такие категории соотносятся не со всяким, а с наиболее *типическими фрагментами текста*, выделяемыми на основе текста как целого: каждому фрагменту текста не соответствует какая-либо категория («это и не нужно (достаточно мотивировать самые трудные места), и не возможно (в тексте могут быть и «пустые» с точки зрения соотнесенности с мироощущением зоны)» - [1, с. 17]);

– к мотивационным категориям относятся такие, которые одновременно имеют *вербальную* (связанную с феноменами языка) и *невербальную* (связанную с феноменом «мироощущения») природу, при этом важно, что единым является признак выражения *ценностных* отношений (проявляющийся далеко не во всех языковых категориях).

В исследовании Б.Л. Борухова категории выделены по отношению к личностному типу мотивации, то есть в связи с «законами, которые работают только в пределах данной индивидуальной системы художественного мышления» [1, с. 15], хотя уже и среди них автор выделяет категории индивидуальные и тяготеющие к групповым и даже общечеловеческим категориям. По отношению к задачам лингвистического исследования уточнение сферы речепроизводства, в которой строится текст, является чрезвычайно важным, так как лингвист имеет дело с достаточно разнородным текстовым материалом, каждый раз требующим использования адекватной ему системы категорий. Важно также, чтобы применяемые лингвистические категории обладали *диагностирующим потенциалом* и имели процедурный характер выявления степени их проявленности в тексте. При этом диагностическая процедурность, с одной стороны, и обобщенность, комплексность, универсальность категорий, описывающих доминанты речевого поведения, с другой, составляют своего рода содержательное противоречие, осознание которого как раз и обеспечивает, на наш взгляд, построение продуктивной модели описания динамики речевого поведения. Обозначенные признаки мотивационных категорий намечают проблему параметров описания доминант речевого поведения как в теоретическом, так и в практическом плане, предполагая создание типологии категорий, лежащих в основе исследования доминант речевого поведения, и методики их анализа. В качестве продуктивного варианта разработки одной из таких категорий укажем на оппозицию «копиальный – креативный», описываемую в работах Н.Д. Голева, Т.И. Киркинской по отношению к реконструктивной деятельности учащихся при создании ими текстов изложений. Данная оппозиция обладает признаками предельности, выражения ценностных отношений, типизации языковых черт и в то же время имеет возможность ее процедурного измерения, то есть является диагностирующей [4]. Необходимо подчеркнуть, что подобные категории лежат в основе выявления доминант речевого поведения языковой личности.

**Об оппозиции «свое – чужое»
как коммуникативной категории**

Оппозиция «свое – чужое» рассматривается как одна из возможных категорий, отвечаю-

щая выделенным выше характеристикам. Данная категория является, с одной стороны, языковой, с другой стороны, понятийной, лингвокультурологической универсалией. Ядерным языковым явлением, представляющим категорию свое – чужое, выступает явление чужой речи (ЧР), текстовое по своей природе (выполняющее свои специфические функции в пределах собственно текстовых форм). Наличие ядерного языкового явления, воплощающего рассматриваемую категорию, позволяет опираться на систему языковых форм и реконструировать на основе «текстового следа» поведенческие способы обращения с «чужим» как предельные способы диалогического взаимодействия, описывающие поведенческие модели отношений «Я – Другой». При этом центральным фрагментом, определяющим сферу речепроизводства, где эти отношения реализуются максимально, является фрагмент, ограниченный сферой *ответного текста-ментатива* (противопоставленного 1) нарративу как хромотопическому повествованию, тогда как ментатив связан с логико-смысловой основой рассуждения (подр. см. [8]); 2) инициальным жанрам; 3) сфере речевого высказывания, в отличие от собственно текстовой сферы). Специфической ограничивающей составляющей выступает сама оппозиция свое / чужое: она выделяет типологизируемый материал из сфер речепроизводства, где данная оппозиция является нулевой, периферийной, нивелированной по отношению к смыслообразованию (и другим категориям, участвующим в нем).

Оппозиция «свое – чужое», являясь наиболее общей для всего семантического спектра значений, передаваемых структурами с ЧР, составляет семантическую основу явления ЧР. В отличие от других семантических категорий (таких, например, как темпоральность, аспектуальность, персональность и др.) данная категория имеет следующую специфику: ее содержание не связано с денотативно-референтными компонентами, описывающими сферу отношений «говорящий – действительность». По отношению к большинству семантических категорий, описывающих денотативно-референтные компоненты действительности и являющихся в силу этого категориями *когнитивного типа*, оппозиция «свое – чужое» образует своего рода «перпендикуляр», относясь к категориям *коммуникативного типа*. В теоретическом плане различение языковых категорий когнитивного

и коммуникативного типа опирается на положение о том, что среди языковых явлений различного типа (в частности – синтаксических явлений) выделяется «целая система специализированных средств», которые связаны с «коммуникативной осью» реализации высказывания и участвуют в формировании смысла высказывания, связанного с отношениями Я – Ты (адресант – адресат). Понятие «коммуникативной оси» введено в работах [3, с. 26 – 27, 334, 402 и др.] по отношению к синтаксическим явлениям и категориям: «... ориентация на понятие «коммуникативная ось» позволяет обнаружить интерпретационное место для таких фактов языка, как обращение и вводные слова, которые в традиционном, неаспектном, освещении нередко оказывались «на задворках» грамматической системы. ... Трудности в квалификации обращения и вводных слов были связаны с неоправданностью их отнесения к собственно строевым компонентам, каковыми они не являются, выступая в качестве компонентов собственно коммуникативных» [3, с. 402 – 403]. О синтаксических проекциях «коммуникативной оси» автор прямо говорит по отношению к таким явлениям, как актуальное членение, типология предложений по цели высказывания и др.

Коммуникативная природа оппозиции «свое – чужое» проявляется в единицах ее реализации. Это не просто текстовые формы, наделенные теми или другими лингвистическими признаками. В качестве единиц функционирования, по сути, выступают *коммуникативные стратегии* чужой речи (КС ЧР). Под коммуникативной стратегией (КС) в данном случае понимается значимая для речевого поведения языковой личности соотносительность 1) типа позиции в коммуникации (в данном случае позиции по отношению к «чужому» / «другому») и 2) вербального (текстового) способа представления этой позиции, проявляющегося на уровне текстовой модели ЧР (в письменной или устной речи, в том или другом стиле и жанре). Подчеркнем, что понятие КС опирается не только на собственно языковые (лингвистические) параметры, но и на параметры внеязыковые – поведенческие, связанные с понятием *позиции говорящего в коммуникативной ситуации*.

По отношению к ответному тексту-ментативу выделяются следующие КС ЧР: **КС-применение, КС-развитие, КС-отрицание, КС-тол-**

кование, КС-переоформление, КС-оценивание, КС-переопределение, КС-комментирование (жирным выделены базовые КС). Каждая КС представляет собой тип, способ взаимодействия с исходным, инициальным «чужим» (словом-мыслью), которое может толковаться, оцениваться, отрицаться, применяться и т. д. Системные отношения КС ЧР описаны в статье [5]. Из выделенных признаков понятия КС актуализируется признак *значимости для речевого поведения языковой личности* – признак, позволяющий рассматривать КС в качестве доминант речевого поведения. Он проявляется а) в неслучайности, регулярной воспроизводимости той или иной текстовой модели с ЧР и реконструируемой на ее основе коммуникативной позиции говорящего, б) в соотносительности той или иной КС с наиболее важными интенционально-смысловыми участками целостного текстового пространства, а также в) в выраженности соответствующего типа интенциональности в метатексте. Именно признак значимости той или иной КС, обнаруживаемый по отношению к целостному речевому поведению коммуниканта, позволяет, опираясь на понятие КС, осуществлять анализ коммуникативных доминант говорящего, поскольку этот признак характеризует не только отдельные текстовые фрагменты, но имеет отношение к стратегическим приоритетам языковой личности и в пределе различает типы иерархий КС, составляющих наиболее полную картину портретирования языковой личности на основе оппозиции «свое – чужое».

О способе установления (диагностирования) типов КС

Способ установления типов КС базируется на методике анализа текстовой формы. Данная методика предложена М.Я. Дымарским и описана в [2], ее развитие применительно к анализу КС ЧР видится в двух моментах: 1) в наложении «рисунка» чужой речи и отношений свое – чужое на структуру матрицы текстовой формы, в выявлении текстовых моделей чужой речи и 2) в соотносительности текстовых форм чужой речи со структурой коммуникативной позиции и установлении на этой основе не только текстовых форм, но и коммуникативных стратегий ЧР. Приведем примеры текстовых форм чужой речи¹ и поясним эти два момента.

¹ В примерах конец абзаца обозначен знаком #, конец отдельной записи – двойным ##. Начало абзаца обозначается традиционно, отсутствие абзацного отступа означает, соответственно, что ТФ не совпадает с началом абзаца.

Говорят, что у слепых недостаток зрения вознаграждается усилением других чувств. Не от того ли и мысли зрячего делаются сильнее ночью, когда он не видит обыкновенными и должен смотреть душевными глазами? Многие предприятия обдумываются ночью. Это, может быть, не только для тайны, но и для того, что человек, в темноте, лучше размышлять может. #

(Н.И. Тургенев, из письма П.Я. Чаадаеву)

Трудно ли писать стихи? – Чего уж трудного, говорила Ахматова, – когда диктуют? – Но, продолжая мысль Ахматовой, заметим: когда не диктуют, еще легче. Рецепт письма прост: садись и пиши. #

(Л. Костюков. Невыносимая легкость стихописания)

Скажем, Константин Леонтьев не любил западную «пиджачную цивилизацию». Но это было давно, он не знал, что альтернатива «пиджачной цивилизации» – цивилизация телогреек с номерами, а мы знаем, должны бы знать: ведь мы старше на целую советскую историю.

Чтобы снисходительно, как к ребячеству, относиться к демократическим ценностям и пренебрежительно о них отзываться, их надо хотя бы иметь; нам до этого далеко. Поэтому и снисхождение, и пренебрежение – не что иное, как басенное «виноград зелен», ущерб, насмешка над недостижимым. Я не оболыцаюсь: демократические ценности – не мировоззрение; они – средство общественной гигиены. Но без мыла случаются эпидемии. #

(С.М. Гандлевский. Порядок слов)

«Тот, кто умирает при многих свидетелях, – умирает всегда мужественно», – говорит Вольтер по поводу смерти Людовика 14. Эта истина всегда была очевидна. Но притом как-то упускают из вида, что мужественно жить при свидетелях тоже очень трудно. Можно проводить восемь часов на службе и остальные в коммунальной квартире, – живя без свидетелей. Свидетели – это среда, апперципирующая поступки человека, оценивающая его жизнь согласно определенным этически-эстетическим нормам. Где есть Среда, там в каждой личности действует мощный закон сохранения принятого нравственного уровня. #

(Л.Я. Гинзбург. Человек за письменным столом. Записи)

Рассуждения Гессе о Достоевском. Гессе считает, что все темное, бессознательное, неразборчивое и хаотическое – это Азия. Наоборот, самосознание,

культура, ответственность, ясное разделение дозволенного и запрещенного – это Европа. Короче, бессознательное – это Азия, зло. А все сознательное – Европа и благо.

Гессе был наивным человеком прошлого столетия. Ему и в голову не приходило, что зло может быть абсолютно сознательным. И даже – принципиальным. #

(С. Довлатов. Записные книжки)

1) Текстовые способы презентации отношений свое / чужое представляют собой содержательные способы заполнения «матрицы сложного синтаксического целого, образуемой – по горизонтали – коммуникативно-синтаксическими позициями тем и рем высказываний и – по вертикали – собственно рядом высказываний» [2, с. 107]. Если сам принцип образования матрицы текстовой формы является принципом структурным, то содержательное наполнение матрицы, в данном случае – семантическими отношениями «свое – чужое», образует встречное движение. Взаимодействие структурного принципа организации текстовой формы (ТФ) и типов содержательного заполнения матрицы составляет текстовый способ презентации отношений свое / чужое и, соответственно, порождает модели текстовых форм, построенных на основе развертывания отношений свое / чужое. В чем состоит содержательный компонент заполнения матрицы и что формирует модели ССЦ при развертывании отношений «свое – чужое»? Можно выделить следующие содержательные уровни заполнения матрицы.

а) *Композиционный уровень, связанный с заполнением «вертикали» матрицы текстовой формы.* Исходным параметром является последовательное расположение предикативных единиц «от первой к последней» на вертикали матрицы. Композиционно значимыми позициями текстовой формы выступают инициальный / финальный тип позиции «чужого». Предметом композиционного параметра описания является ответ на вопросы: что находится в инициальной / финальной позиции – «свое» или «чужое»; каково композиционное место «чужого» в структуре ТФ.

б) *Тема-рематический уровень, связанный с заполнением горизонтали матрицы.* Данный уровень устанавливает отношения между компонентами своего / чужого – с одной стороны, и темой / ремой – с другой стороны. По отношению к тема-рематической перспективе тек-

ста «свое» и «чужое» могут распределяться различным образом: статус «своего» и «чужого» может быть тематическим или рематическим. Важным с этой точки зрения является место «своего» относительно *предельной рематической вертикали*, образуемой исходным (инициальным в ответном тексте) «чужим», его рематическим компонентом. «Свое» может находиться в области единой рематической вертикали с «чужим», выходить за ее пределы, образуя новый рематический шаг в горизонтали матрицы, и др., – что в соотношении с компонентами логической структуры позиции характеризует тип КС. Распределение своего и чужого по горизонтали матрицы составляет каждый раз определенного типа «рисунок». Однако этот рисунок имеет отношение и к вертикали матрицы, так как неизбежно соотносится с композиционным уровнем – тема-рематически уточняя его.

в) *Уровень логико-смысловых медиаторов* – глубинных текстовых макросвязок, представляющих специфику, тип взаимодействия внутри отношений свое / чужое. К этому уровню применим образ «диагонали матрицы» – той текстовой логико-смысловой макросвязки, которая в структуре матрицы стягивает одновременно инициальное / финальное, тематическое / рематическое и свое / чужое. Логико-смысловая макросвязка организует отношения «своего» и «чужого» внутри ТФ и составляет специфику развертывания именно этого типа категориальных отношений. Ядро медиаторов составляют *Не только (ч.), но и (св.); Если (ч.), то (св.); Не (ч.), а (св.)* и др. В каких логико-смысловых отношениях находятся «свое» и «чужое»? По какому принципу они связаны между собой в пределах данной текстовой формы? Эти вопросы являются главными для анализа данного уровня. При выявлении медиатора матрицы важнейшим является также различие глубинного и поверхностного уровней текста и выявление логико-смыслового связочного инварианта на глубинном семантическом уровне текстовой структуры. В том случае, когда медиальные структуры на поверхности отсутствуют, глубинный текстовый медиатор реконструируется на лексико-грамматической, логико-смысловой основе с учетом специфики композиционной, тема-рематической, лексико-семантической структуры текста.

Таким образом, типы описываемых текстовых моделей формируются на основе взаимо-

действия основных уровней заполнения матричной структуры текстовой формы. Каждый из этих уровней является параметром описания модели ТФ, в своем взаимодействии они составляют необходимые и достаточные условия для дифференциации текстовых моделей ЧР и описания их системы.

2) Компонент «коммуникативная позиция» имеет свою структуру развертывания: в таблицах, описывающих матрицы ТФ, это отражается в специально введенной графе «Компоненты логической структуры позиции». Коммуникативная структура текста может разворачивать логическую структуру позиции (ЛСП) в полном или неполном вариантах; существует также возможность контаминации различных типов позиций, их осложнения дополнительными логическими компонентами. Единство логической и коммуникативной структур, их динамическое взаимодействие, таким образом, лежат в основе описания моделей КС.

Ментальная ситуация, специфика разворачивающихся мыслительных процессов (процессов «рассуждения») и построения текстов-ментативов обуславливают выбор инварианта, на основе которого описываются варианты развертывания ЛСП. В качестве такого инварианта выступает диалектическая триада «*тезис – антитезис – синтез*» (Т – А – С). Будучи мыслительной универсалией, данная логическая структура тем или иным образом преобразуется в типологии основных позиций. В восьми выделяемых нами типах КС ЧР логическая структура каждой из позиций разная. Представим в таблице 1 сопоставление логической структуры позиции в выделенных типах КС (дополнительные обозначения: ч. – «чужое» (отсутствие знака «ч.» - «свое»); Арг (А) – аргумент к антитезису; Ø - значимый имплицированный компонент, реконструируемый, например, как 'Т (ч.)' или др.).

Как видно из таблицы, во всех КС «чужое» стабильно соотносится с исходным компонентом развертывания логической структуры позиции, как правило, с тезисом. Под тезисом понимается логически расчлененная субъектно-предикатная структура, потенциально соотносимая с коммуникативно расчлененной тема-рематической структурой высказывания. Образуемое единство функционирует в тексте таким образом, что второй, следующий за тезисом, компонент логической структуры пози-

Таблица 1. *Логическая структура позиции как компонент модели КС ЧР*

КС-раз- витие	КС-отри- цание	КС-при- менение	КС-тол- кование	КС-перео- формление	КС-оце- нивание	КС-ком- ментир-е	КС-пере- опред-е
Т (ч.)	Т (ч.)	С (ч.)	Т (ч.)	Т (св. / ч.)	чужое	чужое	∅ 'Т (ч.)'
А	А	Т	Т'	Т (св.)'	оценка	комментарий	∅ 'А'
Арг (А)	Арг (А)	–	–	–			∅ 'Арг(А)'
С	–	–	–	–			С

Таблица 2. *Инвариантная структура КС-толкование*

№ ПЕ / блоков ПЕ	Компоненты логической структуры позиции (ЛСП)	Макросвязочные и метатекстовые компоненты (МиМК)	Тема-0	Тема-1	Рема-1 / Тема-2	Рема-2
1	Т (ч.)	–	Вв.	S	P	–
2	Т' (толк.)	Это означает...	–	S	P	–
3	Т' (толк.)	Потому что	–	S	P /	/ P

Таблица 3. *Инвариантная структура КС-развитие*

№	ЛСП	МиМК	Тема-0	Тема-1	Рема-1 /Тема- 2	Рема-2 /Тема- 3	Рема-3
1	Т(ч.)	–	Вв.	S	P	–	–
2	Оц (+) / Оц (-)	–	–	–	–	–	–
3	Арг (Т)	–	–	–	–	–	–
4	Л / Ф	Не только... Но и / Между тем / Но ... Тоже / И ... И / И всё же	–	–	–	–	–
5	А		–	–	P	S	–
6	Арг (А)		–	–	–	–	–
7	С	–	–	S			P

ции с обязательностью учитывает логическую и коммуникативную расчлененность тезиса, и это отражается в его структуре: логико-смысловая целостность исходного тезиса соотносима с логико-смысловой целостностью последующих тезисов. (Оценивание и комментирование находятся за пределами отношения тезисов, что в данном случае нами специальным образом не обосновывается.)

В итоге матрица, представляющая ту или иную модель КС, в своем обобщенном, инвариантном виде выглядит следующим образом (для сравнения приведем модели двух КС – КС-толкование и КС-развитие), таблица 2, 3.

(В таблицах 2, 3 S и P обозначают, соответственно, группу семантического субъекта высказывания и группу предиката (предикативного признака) высказывания; подр. описание, например, КС-отрицание см. в [6].)

(Строка 4, «Л / Ф», обозначает компонент ЛСП, выражающий логическую / фактическую недостаточность исходного тезиса – Т (ч.); данный компонент является специфическим для КС-развитие и входит в ее инвариантную

структуру. «№» – последовательность предикативных единиц / блоков предикативных единиц в ТФ.)

Опыт анализа коммуникативных доминант речевого поведения на основе оппозиции свое – чужое и типов КС ЧР

1. К языковому портрету

Н.Я. Мандельштам

Анализ текстов «Воспоминаний» Н.Я. Мандельштам с точки зрения реализованности в них оппозиции свое – чужое свидетельствует о высокой степени ее актуализации в текстах автора, о значимости для стратегий смыслообразования. Если представить себе иерархию КС ЧР применительно к текстовому пространству Н.Я. Мандельштам, то вершину будет составлять КС-толкование, анализ примеров позволяет назвать автора в качестве такой языковой личности, которой присущ данный тип КС. (Другой значимой для языковой личности Н.Я. Мандельштам КС является КС-комментирование, интенционально близкая «толкованию».)

Для интенции толкования важно, что в качестве исходного (чужого) тезиса избирается не всякий тезис, а обладающий для автора-«толкователя» авторитетностью и неординарностью смысла, с одной стороны, и смысловой затемненностью, необщедоступностью понимания – с другой стороны. Излишним было бы объяснять, почему среди различных «источников», выступающих в качестве исходных («чужих») тезисов, частотным и регулярным предметом толкования выступает слово, мысль, поступок О.Э. Мандельштама. Ср.: «Я хотела бы сказать, как понимал О. М. слово, но мне это не по силам...». В подобных случаях интенция толкования, прямо заявляющаяся в метатексте, присутствует в виде отдельных элементов речевой рефлексии. Главным же критерием осуществленности КС-толкование (как и других КС) является соответствие вариантов текстовых форм выделенному инварианту КС-толкование, коммуникативная формула которой: *N-1 (ч.) означает N-1 (св.) / потому что N-1 (св.)*. Приведем примеры:

Пример 1.

О. М. называет поэта «колебателем смысла», но это не бунт против устоев и преемственности, а скорее отказ от застывшего образа, от омертвевшей фразы, которая, застыв, искажает смысл. Это тот же призыв к жизни, к живому наблюдению, к регистрации событий – против омертвения. Не в этом ли смысле он говорит о «культуре-прилици»? В искусстве это, очевидно, повторение того, что уже было и кончилось, но что с радостью принимается людьми, потому что они предпочитают быть подальше от «колебателей смысла».

Пример 2.

В Воронеже у О. М. начали появляться стихи в девять, семь, десять и одиннадцать строк. Семи- и девятистрочья часто входили целым элементом в более длинное стихотворение. У него появилось чувство, что к нему приходит какая-то новая форма: «Ты ведь понимаешь, что значат четырнадцать строк... Что-то должны означать и эти семь и девять... Они все время высказывают...» Но в этом не было мистики числа, а скорее испытанный способ проверки гармонии.

Пример 3.

На стук нам открывала хозяйка, сухощавая женщина, лет под шестьдесят. Хмуро оглядев нас, она спрашивала, не голодны ли мы. Хозяйка хмури-

лась не потому, что мы ее разбудили среди ночи. Ей было свойственно хмуриться, и она никогда не улыбалась. Быть может, ей казалось, что матери семейства, жене и хозяйке большого пятистенного дома не к лицу улыбка.

В первых двух примерах глубинная связка – «означает», в примере 3 – «потому что». Оба связочных компонента составляют единый медиатор КС-толкование, что проявляется в их взаимозаменах, одновременном функционировании в одной и той же текстовой форме, двоякой реконструкции при имплицировании.

Пример 4.

Бердяев неоднократно говорит о высшем назначении человека на этой земле – о его творчестве (1), но не раскрывает, в чем творчество заключается (1а). Это, вероятно, потому, что у него нет опыта художника: ощущения тяжести вещей и слова (2). Его опыт мистический (3), который уводит его к концу вещного мира (3а). Близкий к мистическому опыт художника раскрывает ему Творца через его творение, Бога через человека (4). Мне кажется, этот путь оправдан учением В. Соловьева и Бердяева о Богочеловечестве (5). И не потому ли всякому подлинному художнику свойственно то чувство правоты, о котором говорил О. М. (6)?

Представим последний пример в формате матрицы (таблица 4).

В приведенном примере достаточно ярко эксплицирован медиатор *потому что*, отражающий специфику его функционирования в КС-толкование: 1) он находится на границе двух самостоятельных предложений, что повышает его статус в макроструктуре ТФ; 2) он находится не просто на границе двух самостоятельных предложений, а организует главный логический переход – от *T (ч.)* к *T' (толк.)*. Особенность функционирования «потому что»-толкования состоит также в образовании связочного комплекса «*Это потому что*», с акцентированием *потому* (*Это потому, что...*), где метатекстовый дейктический элемент принимает участие в соотношении не отдельных компонентов, а взятых в целом тема-рематической и субъектно-предикатной структур предшествующего и последующего тезисов-высказываний (в отличие от изолированного, обладающего большей локальностью «потому что» в СПП). Из построенной матрицы ТФ видно, что ее рематические вертикали (Рема-1 и Рема-2) также соответствуют выделенной норме толкования: рема-чужое и рема-свое соотносятся на единой вертикали,

Таблица 4

№	ЛСП	МиМК	Тема-1	Рема-1 / Тема-2	Рема-2 / Тема-3	Рема-3
1	Т-1 (ч.)	–	S Бердяев	P говорит о высшем назначении человека...	P' о его творчестве	–
1a	Т-2 (ч.)	Но	S 'Бердяев'	P не раскрывает	O в чём творчество заключается	–
2	Т-2' (толк.)	Это, вероятно, потому, что	D у него	P нет опыта художника	P' ощущения тяжести вещей и слова	–
3	Т-2' (толк.)	–	S его опыт	P мистический		–
3a	Т-2' (толк.) / Т (доп.)	–		S который	P уводит его к концу вещного мира	–
4	Т-1' (толк.)	–	S близкий к мистическому опыт художника	P раскрывает ему	P' Творца через его творение, Бога через человека...	–
5	Т-1' (толк.)	Мне кажется	S этот путь	P оправдан учением...	P' о Богочеловече стве	–
6	Т-1' (толк.) / Т (доп.)	И не потому ли	O всякому подлинному художнику	–	P - S своиств-о чу вство правоты, о котор...	/ P - S свойственно чувство правоты

Таблица 5

№	ЛСП	МиМК	Тема-1	Тема-2	Рема-1 / Тема-3	Рема-2 / Тема-4	Рема-3/ Тема-5	Рема-4
1	Т (ч.)	–	в концеп ции Э.	S игра	P понимается как дея-сть	–	–	–
1a	Т (ч.)	–	–	–	P в кот. воссоздаются	S соц. отношения	–	–
2	Т'	Таким обра зом	–	–	S - P упор делается	O на освоение... через роль...	–	–
3	A	Между тем / не только	–	D в игре	P и P воссоздаёт ся и осваивается	S внешняя социальность	–	–
3a	A (=C)	Но и	–	–	P становится	–	S внутр. соц-сть... хар-ка созн-я	–
4	A	–	(Можно предпо ложить)	–	–	S выбор другой ед-цы анализа	P /т. е. P понять игру как феномен сознания	–
5	C	–	S Такой подход	–	–	–	–	P отвечает задачам...

не образуя нового рематического шага в горизонтале матрицы. Такой шаг наблюдается в ПЕ (6), которая представляет собой «дополнительный тезис» – *T (доп.)*, выходящий за пределы собственно ЛСП толкования. Подобное можно усмотреть и в (3а). В целом весь данный пример имеет характер толкования-объяснения, смещающего акцент с того, *что* говорит Х., на то, *почему* он так говорит. Такой смысловой акцент свойствен КС-толкование с эксплицированной связкой «потому что», где параллельность, одновременность и в то же время конкуренция глубинных смыслов КС-толкование «что есть чужое» и «почему оно возможно» (как различных тактик истолкования чужого) актуализируются посредством выбора тактики «потому что» в поверхностной структуре текста.

2. Современный психолог И.Е. Берлянд:
к языковому портрету

Книга И.Е. Берлянд «Игра как феномен сознания» (Кемерово: АЛЕФ, 1992), входящая в серию «Книги Школы Диалога Культур», посвящена анализу игровой деятельности ребенка-дошкольника и построению нового понятия игры – как характеристики сознания, связанной с появляющейся на определенном возрастном этапе способностью к внутреннему общению с самим собой, также называемой автором «внутренней социальностью». Сквозным принципом построения книги является сопоставление имеющейся в психологии (и ставшей традиционной) концепции игры, автором которой является Д.Б. Эльконин, и концепции, предлагаемой И.Е. Берлянд, в свою очередь опирающейся на концепцию Школы диалога культур и работы В.С. Библера, М.М. Бахтина. Какая стратегия здесь выступает в качестве ведущей? Значимой, доминантной КС ЧР выделяется КС-развитие, имеющая коммуникативную формулу *N-1 есть Не только N-1 (ч.), но и N-1 (св.)*. Эта стратегия отражена на макроуровне – в композиции книги: так, в первой из двух глав, которая называется «Подходы к игре в психологической и непсихологической литературе», анализируется точка зрения Д.Б. Эльконина, выделяется недостаточность ее оснований с позиций собственно психологического понимания игры; во второй части «Анализ игры как феномена сознания» разворачивается построение собственной точки зрения. В то же время две эти точки зрения представлены не изолированно в их рассредоточенности

по разным главам, а в постоянном взаимосоположении, проявляющемся в отсылках к противоположной точке зрения, в параллелизме создаваемого понятийно-терминологического языка по отношению к имеющемуся, чужому, языку. Введение к научной монографии, концентрируя диалогические отношения двух точек зрения, выражает ее ведущий стратегический принцип в самом моделировании текстовых форм. Приведем пример из введения:

Пример 5.

В концепции Д.Б. Эльконина, на которую ориентируются основные исследования игры в советской психологии, игра понимается как «такая деятельность (1), в которой воссоздаются социальные отношения между людьми вне условий непосредственно утилитарной деятельности» (1а). Таким образом, упор делается на освоение в игре внешней социальности, которое происходит через роль – основную единицу игры (2). Между тем, в игре не только воссоздается и осваивается ребенком внешняя социальность (3), но и становится внутренней социальность, его общение с самим собой, как основная характеристика сознания (3а). Можно предположить, что выбор другой, более «мелкой» единицы анализа, не связанной непосредственно со «сценарием» внешней социальности, позволит понять игру как проявление и создание «внутренней социальности», то есть как феномен сознания (4). Такой подход отвечает задачам собственно психологического исследования игры, в отличие от подходов, сводящих игру к проявлениям внеспсихологических (биологических или социальных) реальностей (5).

В примере 5 концентрированная ТФ, в которой характер и последовательность высказываний находятся фактически в однозначном соответствии с логической структурой позиции, обусловлена научным стилем изложения, ядерным для текста-ментатива, и еще в большей степени жанром введения, для которого не характерны дополнительные, осложняющие компоненты (как нарративные, так и собственно ментативные – аргументация, приведение примера, описание факта, толкование, переоформление и под.). Признаком такой концентрации логической структуры позиции и развертывания ТФ выступает также само представление *A*: в подобных случаях можно говорить о том, что антитезис, выраженный на основе связки *Не только / но и* (см. ПЕ 3 – 3а), имеет синтезирующий характер (в табл. *A (=C)*), выполняет функцию выражения *C*, являясь синкре-

тичной формой выражения *A* и *C*. Такой же синкретичный «антитезис-синтез» представлен в примере 7, где в последней ПЕ используется другая связка – *И/и* (*игра освобождает ребенка и от связанности вещами, и от связанности значениями*). Собственно же выражение позиции *C*, представленной в примере 5 ПЕ (5), также особое – сохраняющее противопоставленность чужого и своего (*Такой подход... в отличие от подходов...*) и в то же время обозначающее основание для их взаимной дополнительности (как подхода, «*отвечающего задачам собственно психологического исследования игры*» и «*подходов, сводящих игру к проявлениям внепсихологических (биологических или социальных) реальностей*»).

Приведем еще два примера.

Пример 6.

В понимании сознания я исхожу из концепции М.М. Бахтина и В.С. Библера*. Для Бахтина сознание есть только там, где есть два сознания, так как сознание (как и все человеческие, культурные явления) по природе своей диалогично и только так, с диалогических позиций, может быть понято. Сознание всегда не равно себе, оно не есть монолитное целое, а всегда внутренне раздвоено, обращено к себе. Каждое явление человеческого сознания внутренне диалогично, оно не может быть объектно завершено, но выходит за свои пределы, обретает по отношению к себе внешне находящую позицию. Это явление вненаходимости очень важно для понимания природы человеческого сознания. Внутри одного сознания, понимаемого как монологическое, эта вненаходимость невозможна. Поэтому сознание одного человека «внутренне социальное», оно в самом себе содержит внешнюю по отношению к себе позицию. Поэтому всякое сознание (отстранение от внешнего мира) есть, строго говоря, самосознание (отстранение от себя).

Пример 7.

Ребенок в игре освобождается от ситуационной связанности как видимым полем, так и своими непосредственными аффектами. Выготский пишет, что это освобождение связано с тем, что в игровом действии «мысль отделяется от вещи, и начинается действие от мысли, а не от вещи»*. Но мысль Выготский понимает здесь как значение слова, и оторвать мысль от вещи для Выготского значит оторвать от нее значение слова, которым она называется. Анализ игры (см. 7 раздел след. главы) заставляет пойти дальше и предположить, что игра освобождает ребенка и от связанности вещами, и от связанности значениями.

В примерах 6, 7 можно наблюдать характерную не только для текстов И.Е. Берлянд, но и в целом для системных отношений КС ЧР взаимосвязь КС-развитие с двумя другими КС: применение и отрицание. В примере 6 КС-развитие как бы смещается в сторону КС-применение (строящейся по формуле *Если N-1 есть N-1 (ч.), то N-1 есть N-1 (св.)*), и это закономерно, так как автор опирается на близкие ему идеи М.М. Бахтина, В.С. Библера, из которых (как из синтезирующих), собственно, и исходит. В примерах 5 и 7 некоторое, хотя в последнем и очень слабое, смещение происходит в сторону отрицания (*N-1 есть Не N-1 (ч.), а N-1 (св.)*): содержательная дистанцированность позиций Эльконина / Выготского – Берлянд принципиальная, что отражается уже в характере цитирования – обособленность границ своего / чужого нарастает (тогда как в примере 6 границы проницаемы, вплоть до невозможности отделить «свое» от «чужого»). Две эти КС функционируют и самостоятельно, устанавливая индивидуальную иерархичность в картине доминант речевого поведения автора.

3. Используя метод реконструкции КС языковой личности, и в частности КС ЧР, можно выявлять предпочитаемые автором способы взаимодействия с «чужим» как характерологические черты языковой личности. Так, например, существенной характеристикой языкового портрета И. Бродского (имеются в виду прежде всего его эссе) является лежащая в основе феномена афористичности его языка КС-переоформление, строящаяся по формуле *N-1 (св./ч.) иначе может быть выражено как N-1 (св.)*’ (подр. анализ см. [7]), а также КС-переопределение (*N-1 (ч.) есть N-1 (св.)*) – как дополнительная, сопровождающая. И та, и другая раскрывают особую диалогичность И. Бродского – диалогичность автокоммуникативного типа, тяготеющую по сути к инициальности. Приведем еще один пример: для языкового портрета Г. Свиридова (книга «Музыка как судьба») существенной чертой является доминанта КС-оценивание (*N-1 (ч.) оценивается как N-1 (св.)*), оценочная стратегия, причем как в варианте отрицательной, так и положительной эмоциональной оценки, сопровождается другой важной для авторского текстопорождения стратегией – КС-комментирование (*N-1 (ч.) имеет отношение к факту N-1 {кто/что – где - когда}* (св.)), и та, и другая, однако, не являются базо-

Таблица 5

	Н.Я.Мандельштам	И.Е. Берлянд	И.А. Бродский	Г. Свиридов
Ведущая КС ЧР	толкование	развитие	переоформление	оценивание
Дополнительная КС ЧР	комментирование	отрицание / применение	переопределение	комментирование

выми, а относятся к периферии КС ЧР, выделяемых по отношению к ответному тексту-ментативу, то есть можно говорить о значительно меньшей актуализованности оппозиции свое – чужое (в другом, предельном, случае возможна неактуализованность данной оппозиции для того или другого типа речевого поведения, что также является значимой характеристикой языкового портрета).

При наложении сетки КС ЧР на речевое поведение языковой личности параметрами описания его коммуникативных доминант, таким образом, являются 1) актуализованность / неактуализованность категории свое – чужое, 2) тип доминантной КС ЧР, 3) ее принадлежность к базовым / периферийным КС, 4) иерархия КС ЧР: соотношение ведущей (доминантной) и близких ей (сопровождающих, «дополнительных») КС (а также более подробное описание иерархии). Подобный анализ может быть особенно интересен и продуктивен в сфере массовой коммуникации (например, в сфере публицистического дискурса при выявлении манипулятивных техник и скрытых интенций автора), в учебном диалоге, при анализе моделей цитирования в сочинениях-рассуждениях, рецензиях, рефератах старшеклассников и студентов и под. Если сопоставить рассматривавшие-

ся выше языковые портреты между собой, то взятые относительно друг друга они предстают еще более отчетливыми, что объясняется не абсолютным, а относительным, динамическим характером анализа коммуникативных доминант речевого поведения (полужирным выделены системно-базовые КС ЧР) (см. табл. 5).

Перспективу исследования доминант речевого поведения составляет, помимо обозначенных в начале проблем, возможность выделения различных ступеней в содержании метода. Исходя из проделанного анализа, можно выделить по крайней мере три ступени, отражающие различную степень полноты языкового портрета говорящего:

1) выделение доминантной модели речевого поведения языковой личности и портретирование на основе единичной, но базовой характеристики – в сопоставлении с ее проявлениями у других языковых личностей (последнее на этой ступени приобретает наибольшую актуальность);

2) иерархия характеристик на базе одной категории, различная степень намеченности / развернутости такой иерархии;

3) взаимодействие между разными категориями, различная степень развернутости межкатегориальных иерархических отношений.

Список использованной литературы:

1. Борухов Б.Л. Введение в мотивирующую поэтику // Филологическая герменевтика и общая стилистика. Тверь, 1992.
2. Дымарский М.Я. Проблемы текстообразования и художественный текст. СПб., 1999.
3. Ильенко С.Г. Русистика: Избранные труды. СПб., 2003.
4. Киркинская Т.И. Вариативность русских репродуцированных текстов. АКД. Барнаул, 2004.
5. Кузнецов И.В., Максимова Н.В. Диалектика «чужого» и «своего» и типология коммуникативных стратегий «чужой речи» // Дискурс, № 12. М., 2005 (в печати).
6. Максимова Н.В. Отрицание «чужого» как коммуникативная стратегия // Вестник ОГПУ, №1 (39). Гуманитарные и естественные науки. – Оренбург, 2005.
7. Максимова Н.В. «Переоформление» как смыслопорождающая стратегия в эссеистике И. Бродского // Иосиф Бродский: стратегии чтения. М., 2005.
8. Максимова Н.В. «Чужая речь» в нарративе и в ментативе // Слово. Словарь. Словесность. СПб., 2004.